

Лев ДОДИН:

Я ставлю спектакли для себя

Известия — 1999, 18 ноября, с. 10

Главному режиссеру петербургского Малого драматического театра Льву Додину присуждена высшая европейская театральная премия. Известная под названием «Европа — Театру», она ежегодно присуждается «за выдающиеся достижения и исключительный вклад в искусство». Додин — единственный российский режиссер обладатель этой престижнейшей премии. Среди награжденных в предыдущие годы — Питер Брук, Джорджо Стрелер, Роберт Уилсон... А в Питере на сцене МДТ — премьера: «Чевенгур», вернее, как утверждает главный режиссер театра, «наши мысли о Платонове и его прозе». Додин говорит, что «Чевенгур» не готовился специально к столетию писателя, тем более что мировая премьера уже состоялась несколько месяцев назад на театральном фестивале в Веймаре.

— Два года мы крутились с ощущением того, что не будем ставить, что не получается, что вот-вот бросим. Но вдруг стало ясно, что мы не «лепим куски», а пытаемся создать нечто целостное и можем задать себе и зрителю существенные вопросы. И, может быть, ответить на них хотя бы для себя. Да, действительно, премьера прошла на наших европейских гастролях, хотя я очень не люблю это слово: МДТ открывал театральный фестиваль в Веймаре этим спектаклем. Но дома, конечно, волнения больше. И зарубежный успех — опять же нелюбимое слово — нимало не успокаивает.

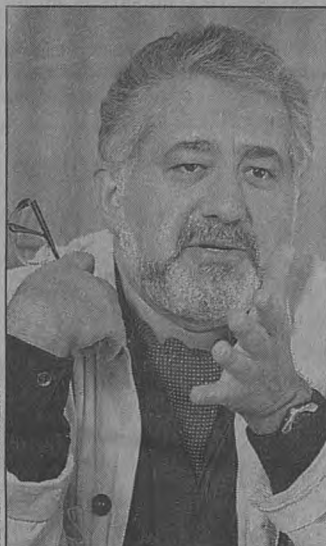
— Чем вам не приглянулись слова «гастроли» и «успех», неизменно вам сопутствующие?

— Я просто пытаюсь уйти от понятий, определяющих деятельность театра как сугубо производственную работу. «Гастроли» предполагают рыночную, коммерческую сторону поездок. А ездим мы не столько заработать, хотя и это существенно, сколько освоить новое пространство, выйти на контакт с новой публикой. Люди в разных странах мыслят и чувствуют по-разному. Это так. А с другой стороны — и в Японии, и в Америке, и в Италии зритель плачет и смеется в одних и

тех же эпизодах. Природа чувств у всех нас одна и та же... В случае с «успехом», кажется, будто вся суть спектакля определяется тем, понравился он публике и критикам или нет. А спектакль делаешь в основном потому, что для тебя становится важным именно теперь задать себе же какие-то вопросы, что-то найти в себе. Да, спектакль создается изначально для себя! И маленькие открытия, которые мы делаем, быть может, порождают движение театральной жизни. Они позже складываются в значимое для других — для зрителей. Или не складываются. В последнем случае возникает «неуспех». Но это все равно не значит, что мы шли по той дороге зря. То, о чем мы размышляем, интересно другим. Вне зависимости от языков и сословий.

— Вы часто встречаетесь со зрителями. Зачем вам это? Чтобы потешить собственное самолюбие? Из любопытства?

— Иногда кажется, не обремененный эстетическими пристрастиями зритель порой лучше что-то разглядит, прочувствует суть, нежели его «подкованный» собрат. Театр — прежде всего чувство, но чувство, открывающее перед интеллектом новые возможности. Нормальный разговор с заинтере-

СЕРГЕЙ МАКСИМИШИН

сованным по-настоящему человеком трогателен, иногда остр, но всегда полезен. Не стоит, конечно, утрировать — я не приглашаю к себе в отель весь зал.

— Ваш театр космополитичен, не в советском, разумеется, понимании — в цивилизованном. Не случайно он единственный из российских, получивший в Международном театральном союзе звание Театра Европы. Однако в репертуаре МДТ пьес зарубежных авторов значительно меньше, чем российских...

— Задумываться над универсальными проблемами естественнее всего на материале собственной жизни. Когда работаешь с западной драматургией, есть огромная опасность оказаться декоративным. Эта декоративность будет «расколота» при первой же встрече со зрителем, который живет в соответствующем материале, то есть знает его лучше нас. Потому МДТ ставит те пьесы запад-

ных драматургов, в которых абсолютно уверен. Я боюсь стать туристом в чужой драматургии.

— К вопросу о материале «из собственной жизни». Наблюдая за петербургской сценической жизнью, трудно не обратить внимание на такое явление: несколько театров в этом сезоне обратили взгляды на Островского. Ваш тоже — ожидается премьера пьесы «Свои люди — сочтемся».

— Островский — один из немногих отечественных драматургов, максимально учитывающих возможности и способности театра. К тому же наше время походит на эпоху Островского. С ее грубостью, инфантилизмом и ограниченностью, со стремлением «урвать»... Когда обмануть и унижить ничего не стоит.

— «И не выбиться нам, сударь, из этой коры». Не это ли озвученное героем Островского безрадостное убеждение заставило вас, коснувшись пьесов МДТ, сделать ремарку: «Так будет, если не станем работать в зоне»? Лев Абрамович, вы готовы работать в театре «строгого режима»?

— Я знаю, что такое «театр зоны» — работать во многих советских театрах, в том числе во МХАТе. С той «зоной» мужественно пытался бороться Олег Ефремов. Когда сейчас слышу, как его упрекают в инертности, во мне все кипит от негодования. В свое время он делал невозможное... Театр — слепок жизни. Чтобы театр превратился в «зону», его должна стать вся страна. Ни в такой стране, ни в таком театре не существовать, ни работать я уже не смогу. Сегодня мы и работаем для того, чтобы само предположение о такой возможности исчезло навсегда из нашей жизни.

Юлия КАНТОР